

ПРОЗА
МАШИ
ТРАУБ

Читайте книги в серии «Проза Маши Трауб»

Любовная аритмия
О чем говорят младенцы
Я никому ничего не должна
Вся la vie
Семейная кухня
Ласточ...ка
Замочная скважина
Не вся la vie
Пьяная стерлядь
Тетя Ася, дядя Вахо и одна свадьба
Дневник мамы первоклассника
Падшая женщина
Домик на юге
Осторожно — дети! Инструкция по применению
Собирайся, мы уезжаем
Соня и Александра
Плюс один стул
Счастливая семья
Терпкий вкус тутовника
Истории моей мамы
Наша девочка
Плохая мать
Шушана, Жужуна и другие родственники
Чужой ребенок
Уважаемые отдыхающие!
Второй раз в первый класс
Всегда кто-то платит
Моя бабушка — Лермонтов
Продается дом с дедушкой

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т65

Художественное оформление серии *С. Груздева*

В оформлении обложки использована
иллюстрация *М. Дорошенко*

Трауб, Маша.

Т65 Уважаемые отдыхающие! / Маша Трауб. —
Москва : Эксмо, 2019. — 352 с. — (Проза
Маши Трауб).

ISBN 978-5-04-100423-1

В курортных местах принято жить по другому календарю. Здесь есть всего два времени года — сезон и несезон. И два времени суток — открыто и закрыто. У местных жителей есть прошлое и настоящее, но никто не знает, наступит ли будущее. Уважаемые отдыхающие, эта книга для вас.

Маша Трауб

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-100423-1

© Трауб М., 2019
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

*Все персонажи вымышлены,
и любое совпадение с реально живущими
или жившими людьми случайно.*

— *И*льич, куда ставить-то?

— На голову мне поставь!

— Так мне все равно, я могу и на голову! Сколько можно телепаться с этими стульями — туда отнеси, сюда принеси. Я чё, нанимался стулья таскать?

— Нанимался! Во двор отнеси!

— Так со двора принес!

— У Гали спроси. Она знает, куда ставить.

— Галина Васильевна! Куда стулья-то? Ща тут брошу!

— Я те брошу. На голову мне поставь!

— Ильич, у меня отдыхающие ключи уносят, не сдают. Я им говорю — сдавайте, я уберу, а они не сдают. Я ж зайти в номер не могу. Они ж потом жалуются, что мусор не вынесли, полы не протерли. Так мне жалко, что ли? Я ж понимаю, что людям в чистое хочется вернуться. Так я что, в форточку должна влезать? Как я без ключей-то? Давай сделаем запасные. Ну что я над этими ключами больше всех трясуся? От пятого — один остался. Ильич, слышь? От пятого, говорю, один. Если что — дверь ломать будем. Я им табличку, как ты велел, выставила — штраф за уте-

Маша Трауб

рю. Так и что б они на табличку глядели! Да и зачем им таблички? Люди отдыхать приехали! Я ж хочу, чтобы чисто было, чтобы люди довольны, а они не довольны. Я им про ключи говорю, а они мне про мусор. Ну я их и так караулю. Так за всеми не углядишь — кто когда пришел, кто ушел. А если дети маленькие? Так надо до обеда убраться. Чтобы дите поспать могло. Ильич, давай дубликаты сделаем. Ну сколько можно просить? И окно надо починять на втором этаже. Хлобыстает туда-сюда. Я ж подкладываю бумажку, но оно все равно хлобыстает. Рама на соплях уже. Один раз шваркнет и на голову кому-нибудь свалится. А если ребенку, не приведи господь? Они ж во дворе все время!

— Настя! Вас для чего наняли? Чтобы вы убирали! Вот и убирайте! Если какие вопросы по ключам и уборке — скажите Галине Васильевне! Про форточку — к Феде.

— Чё Федя-то? Чуть что — Федя крайний! Раму я чинил. Сто раз говорил, нечего дергать и шваркать! Настя как шваркнет, так любая рама отвалится. Если осторожно поднажать, так она и закроется!

— Ильич, я не шваркаю! Там на соплях все давно. Как было, так и осталось. У Феде руки из одного места. Бывают же мужики безрукие! Ильич! Давай слесаря нормального вызовем! Да хоть Мишку!

— Вызывай своего Мишку. Он уже неделю бухает.

Уважаемые отдыхающие!

— А тебе лишь бы языком чесать! Стулья унеси со двора! Ильич, так чё с ключами-то? Я ж уже как партизан за отдыхающими слежу. Они от меня шарахаются. Я ж только убрать.

— Где Галина Васильевна? Галя! Галя!

Этот разговор происходил в небольшом дворике перед зданием, которое теперь именовалось гостиницей, а раньше было пансионатом, еще раньше — доходным домом, а еще раньше — частным.

Частный дом строили для себя, для семьи, многочисленных разновозрастных детей, тетушек с низким давлением, дядюшек с бронхами, кузин с нервами и кузенов с карточными долгами. Специально выписанный из столицы садовник отвечал за дерево шелковицы, которое так любила кузина с нервами, кусты олеандров, крошечные пальмы и каштановые деревья. Два кипариса были специально высажены на террасе под окнами для главы семейства, который, впрочем, так их ни разу и не увидел. Как и собственный частный дом. Глава семейства страдал сердцем и лежал в покоях в столице, пока садовник колдовал над кипарисами — приживутся ли? Кипарисы прижились, а хозяин дома отошел в мир иной.

Вдова приняла решение превратить усадьбу в доходный дом, что вызвало массу пересудов среди многочисленных родственников. Но перспектива дохода оказалась желаннее, чем нико-

Маша Трауб

му не нужная память о покойном. Вдова же, при жизни мужа не вмешивавшаяся в ремонтные и прочие хозяйственные дела, вдруг обнаружила не пойми откуда взявшуюся деловую жилку и затеяла грандиозный ремонт, решив провести в дом водопровод и уж совсем небывалое излшество и роскошь — канализацию.

О доходном доме быстро заговорили. И комнаты не стояли пустыми. Вдова разбогатела так, что покойный муж в гробу переворачивался. Родственники все как один молчали, благодарили и улыбались. Им тоже перепало от доходов. Вдова вдруг стала состоятельной женщиной и снова богатой невестой. Незамужние кузины хотели что-то сказать, но языки прикусили. С вдовой ссориться было невыгодно.

И уже можно было начинать гадать, что будет дальше, за кого вдова в результате выйдет замуж, если бы не новые порядки. Вдова первой почувствовала, что «дело пахнет керосином», как сказали бы в советские годы, и передала доходный дом на нужды революции. Кузины считали, что не безвозмездно, а за приличную сумму. Это потом стали забирать и национализировать, а вдова успела продать. Иначе на какие шиши она бы обосновалась в Париже вместе с новым мужем? Ушлая оказалась дамочка. А с виду и не скажешь. Откуда что взялось? А ведь раньше была тихая, неприметная.

После революции дом регулярно потряхивало. Он повидал на своем веку многое — и бес-

Уважаемые отдыхающие!

призорников, для которых здесь была устроена школа, и видных деятелей, приезжавших сюда отдохнуть от государственных дел. Потом здесь располагались детский сад, госпиталь, некоторое время дальняя дача для начальства, ближняя дача, снова детский сад и, если верить сплетням, дом свиданий. Несколько лет дом стоял заброшенный, забытый, поникший, никому не нужный.

Уже в позднее советское время про дом вспомнили и решили применить его туда, куда не нужно, но вроде стоит, потому как больше вроде и некуда. Государственные деятели предпочитали другой пансионат, для больницы было построено новое здание, детский сад обособился в еще одной новостройке. После недолгих споров дом с трудной судьбой был объявлен Домом творчества. Так сказать, для работников культуры в широком смысле. Сюда могли получить путевку художники, музыканты, писатели, журналисты и другие деятели творческого труда. В одном месте и под условным приглядом.

Внутренности и внешность дом, получивший гордое название, изменил кардинально, тут уж ничего не поделаешь. Прежде всего появились таблички на стенах. Просто удивительная в то время была страсть к табличкам и плакатам. Разрешается, запрещается, правила поведения. Это сейчас смешно вспоминать. Молодежь, та вообще не понимает. А раньше

Маша Трауб

понимали — распорядок дня, корпус открыт «с и до». «Посещение посторонних лиц без талона на проживание запрещено». «Постельные принадлежности выносить из корпуса категорически запрещено». «Телевизор в холле выключает дежурная в 23.00». «Отход ко сну в 23.00. Администрация». «Закрывайте двери в корпус. Администрация». «Перед выездом сдать номер дежурному администратору. Администрация».

Мифическая инстанция. Строгая и карающая. Ох, молодежь ничего не знает, а старшее поколение помнит. Поэтому слушается. Загуляли после одиннадцати — всё, двери на замке. И хоть стучись, хоть ломись, не пустят. Ладно, если номер на первом этаже, тогда можно через балкон перелезть. Или умолять дежурную, стоя на коленях, и обещать, что в первый и последний раз. В зависимости от темперамента и жизненного опыта у жильцов были и свои способы нарушать запреты и задабривать строгое карающее божество под названием «Администрация». Кто-то ломился в двери с бутылкой вина и шоколадкой, кто-то шуршал купюрами, кто-то устраивал скандал, да так, чтобы все слышали. Творческая интеллигенция, что с нее взять? И выносят, и не сдают, и ко сну вовремя не отходят.

Галя, Галочка, Галина Васильевна, Галчонок — как только ее не называли отдыхающие — дверь всегда оставляла приоткрытой. Только чуть толкнуть надо. И люди ей понятливые попада-

Уважаемые отдыхающие!

лись — заходили тихо, на цыпочках, дверь аккуратно прикрывали, чтобы не грохнула ненароком. Федя же, когда дежурил, запирал калитку на все замки. Люди трясли железную дверь, сначала деликатно, потом настойчиво, били камнем по решеткам, а он сидел в своем закутке на посту, за ситцевой занавеской, и не открывал. Ему нравилось власть показывать. Потом открывал, конечно, но с таким особым одолжением. Перед этим еще кричал, громко, чтобы все слышали: «Правила для кого писаны? Для всех писаны! Не открою! У нас порядок! И не стучите!» Потом, конечно же, открывал, потому что с балконов начинали кричать: «Да пустите их уже! Сколько можно?» Калитка, хоть и железная, ежедневных терзаний, естественно, не выдержала. Собачка слетела, и замок держался на честном слове. Галя предложила оставить дверь нечиненной, чтобы люди могли свободно входить и выходить. Не только отдыхающие, но и все желающие посидеть во дворике под кипарисами, в тени, в прохладе.

— Чужих пускать? — возмутился Федор, будто речь шла о его собственной жилплощади.

Федя ныл, скандалил, ходил к Ильичу каждый день и проел-таки ему плешь. Но это было уже позже, можно сказать совсем недавно. Несколько сезонов назад. Ильич решил не чинить входную калитку, как хотела Галя, — пусть заходят, пусть сидят, но дал разрешение на установку железной двери с кодовым замком на входе

Маша Трауб

в само здание, как просил Федор. Вход считался черным, но пользовались им активно, особенно дети, которые бегали по двору, потом неслись в туалет, рискуя описаться по дороге. Но Федя сказал, что если посторонние решат зайти и что-то украдут, то он предупреждал. Дверь поставили. И кодовый замок. Первые два дня после установки Федор был счастлив. Просто на седьмом небе. Ходил и светился. Поскольку была его смена и отдыхающие, привычно заходившие через беззамочную калитку во двор, застревали в недоумении перед еще одной железной дверью, с кодом. И снова приходилось искать камень и стучать по прутьям. А за дверью маячил Федя и наслаждался: «Правила для кого писаны? После одиннадцати вход воспрещен! Администрация!»

Но Федорово счастье длилось недолго. Вышедшая на смену Галя выдавала код, который оказался простым до неприличия — «два-четыре-шесть» всем отдыхающим. Дети быстро наловчились нажимать на кнопки, причем с обеих сторон. Кнопки находились с внутренней стороны, то есть открыть дверь можно было только изнутри. Но дети выкручивали руки, отжимали, открывали и пропускали всех желающих. Взрослые тоже научились вслепую попадать пальцами куда надо и заходили беспрепятственно.

Федор, когда заступил на смену, сначала даже не понял, что все его старания пошли насмар-

Уважаемые отдыхающие!

ку — никто не кричал, не стучал в дверь. А когда увидел, как отдыхающие ловко, просовывая руку между решеток, нажимают код, то впал в истерику. Оставалась надежда на новеньких проживающих, которым старенькие не успели передать сокровенное знание о коде. И ведь раньше никто не спорил, права не качал. А сейчас?

— Мы тут чё, бесплатно живем? Отдыхать приехали. Деньги вы дерете, как в Европе. А сервис — совок, — взъерепенился как-то мужик-отдыхающий, — слышь, ты, на неделю я тут хозяин. И буду гулять, приводить, выносить, проносить, сколько и кого захочу. А ты сделай так, чтобы мне понравилось тут. Понял?

— Возмущаются они! — бубнил Федор. — Так и пусть едут туда, к нам тогда чего прутся? А если прутся, то у нас тут не Европа!

Да, не Европа. Узкие улочки, созданные для крошечных машинок, велосипедов, мопедов и прочей мелкогабаритной техники, втискивали в себя джипы-внедорожники, «газели», привозившие продукты, «мерседесы» с широкими задними и грузовики, доставлявшие кирпич для постройки новых частных домов. Потому что у нас тут вам не так, как у них. У нас «газель» — главная машина!

Машины едут по набережной. Кто-то давит на гудок, кто-то нет. Под колесами оказываются дети, мячи, мамыши, опять дети и снова мячи.